

ДЕЙКТИЧНОСТЬ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. Шемелева

Кубанский государственный университет

Реферат. Рассматривается категория "притяжательности" в рамках более широкого понятия "посессивности" как составляющие функционально-семантического дейктического поля. Анализируются прагмасемантические значения притяжательности и средства их вербализации в русском языке, которые реализуются на лексическом и грамматическом уровнях. Разграничивая языковой и внутриязыковой дейксис (лексические дейктики, грамматические дейктики и социальный дейксис), предпринимается попытка системного изучения таких языковых явлений, которые располагаются в зоне переходности. Полевой подход позволяет разместить на шкале указательности существующие средств выражения притяжательности в современном русском языке.

Ключевые слова: притяжательность, посессивность, указательность, индексальные слова, дейктическое значение, дейктическое поле, антропоцентризм, референция.

О дейксисе в естественном языке можно говорить в терминах способа, которым социопространственно-темпоральная привязка коммуникативного акта мотивирует форму, и в терминах грамматической и лексической систем языка. Дейктическое значение неразрывно связано как с лексическим, так и с грамматическим значением слова [1]. Ядром лексического дейксиса являются собственно-дейктические слова (эгоцентричные и неэгоцентричные), личные, указательные местоимения, местоимения-наречия, полнозначные и неполнозначные слова с «относительной» семантикой. Функция и вариативные значения некоторых слов обнаруживаются лишь на текстовом уровне, поэтому номинация и дейксис находятся в состоянии динамического равновесия: с ослаблением одного из этих планов усиливается другой, и наоборот.

Любой языковой знак – продукт осознанной деятельности человека. Переход от языка к речи осуществляется при помощи многочисленных микросхем – знаковых-заместителей, указателей, шифтеров и форматоров, связанных слов и разного рода (логических, прагматических) операторов [2, с. 88]. Именно речь – коррелят мышления и сознания, концептуальный опыт человека соотносится с речью, а не с языком – языковой системой, являющейся главным образом поставщиком материала для производства речи.

Проблема категориального содержания посессивности (притяжательности), рассматривавшаяся в типологическом, сравнительно-историческом, структуралистском и функциональном аспектах, сегодня не утрачивает своей актуальности и проецируется на принципы современной когнитивной научной парадигмы. В различных языках притяжательные отношения либо конкретизируются и передаются лексическими, синтаксическими или регулярными морфологическими средствами, либо унифицируются и обобщаются в определенных синтаксических конструкциях. На этом основании лингвисты предлагают различные терминологические наименования посессивных отношений: традиционные – посессивность, принадлежность, обладание, владение, собственность, и нетрадиционные – ассоциативность (Л. А. Боади, В. Уэлмерс), аттрактивность (Т. Н. Воронцова), посессивное наличие (Т. Е. Аношкина).

Некоторые ученые и вовсе отказываются от каких-либо обозначений притяжательности, сомневаясь в существовании данной категории в языке (Г. Бирнбаум, Дж. Лайонез), что обусловлено сужением посессивности до содержания владения.

Топоров В. Н., рассматривая посессивное отношение в исторической перспективе, отмечает, что для посессора идея обладания объектом означает "иметь (занимать) место" и "доминировать, преобладать, властвовать" [3]. О связи двух этих понятий свидетельствуют и многочисленные языковые данные: *владеть* "иметь" и "властвовать"; *волесть* как обозначение места и *власть* как обозначение доминирования. В социально-экономической сфере это обладание местом и властью обычно реализуется в «имении», в частности, в имуществе, достоянии – как недвижимом (*земля, дом*, т.е. в непосредственном виде), так и в движимом (*автомобиль, телевизор* и т.п.).

Особая отмеченность категории притяжательности по сравнению с другими категориями языка определяется, в частности, наличием и у языка в целом и у категории притяжательности некоего общего ядра. Благодаря ему категория притяжательности в наиболее важном для нее аспекте изоморфна языку.

Категория посессивности может быть представлена как пространственная антропоцентрическая структура, центром которой является человек, затем – внешнее пространство, а также проекция этой структуры на другие сферы внешнего мира, в результате чего создаются иные типы посессоров. Корпус языковых средств, формирующих категорию посессивности в современном русском языке довольно многообразен [4]. Центральными, базовыми единицами выражения посессивных значений являются притяжательные местоимения (*мой дом, наша улица, его собака, взял свой рюкзак*), притяжательные прилагательные (*мамин, отцов, Петин; казачий*) и существительные в форме родительного падежа, обозначающие посессора (*машина у соседа новая*). Притяжательность принадлежит к числу таких лингвистических понятий, исследование которых позволяет полнее представить языковую картину мира носителей языка, так как и конкретная единица, и типы синтаксических конструкций со значением посессивности отражают особенности связей, существующих как во внеязыковой действительности, так и в отражающем её мышлении.

Единого подхода к определению такого сложного явления, как притяжательность, в лингвистических исследованиях не существует. Так, с одной стороны, ее часто сводят к понятию обладания, собственности (Б. А. Серебренников, А. В. Бондарко и др.). С другой стороны, в соответствии с более широким определением, притяжательность охватывает почти любое отношение между субстанциями (Г. Зайлер, Н. А. Слюсарева, О. Н. Селиверстова, Н. В. Друзина и др.), а иногда и отношения между предметом и признаком (Б. Уоррен, М. А. Журиная и др.) [5].

Формирование притяжательного смысла в русском языке обеспечено множеством средств репрезентации притяжательности на лексическом и грамматическом уровнях языковой системы. Обычно посессором является человек (или люди), поэтому центральным для посессивного отношения является владение человека каким-либо предметом или, наоборот, принадлежность объекта какому-то лицу, например: *Танины украшения* ("украшения, принадлежащие Тане"), *дом у президента великолепный* ("дом, владельцем которого является президент"), *птичьи гнезда, Матренин двор* и др.

В современном русском языке притяжательность выражается морфологически, т.е. специальными аффиксами в составе того слова, которое обозначает обладателя, ср. *Тан-ин, птич-ий, Антон-ов, солдат-ск-ий*, в состав которых входит посессивный (или, в традициях русской грамматики, *притяжательный*) суффикс. В отличие от прилагательных на *-ин, -ов*, притяжательные прилагательные с суффиксом *-ий* не имеют значения индивидуальной принадлежности, обозначают-указывают на общую

родовую принадлежность: *оленья упряжка, козье молоко, соболий мех*. Семантика посессора, как правило, характеризуется признаком одушевленности. Притяжательные прилагательные, образованные от неодушевленных существительных, встречаются главным образом как поэтические вольности (например, у В. Маяковского: *домовьи этажи, флажьи веки, личья радость* и под.).

Между тем посессивное отношение в других случаях может быть выражено и иначе – окончанием родительного падежа, ср. *машина отц-а*, а также и синтаксически, т.е. с помощью различных предложных конструкций, ср.: *деньги у него* ("его деньги") *всегда лежали в сейфе*.

В семантике данной категорией могут быть выделены два аспекта – смысловая основа, которая выражает одновременно и предмет обладания и лицо обладателя, и дейктический компонент. Закрепление определенного смыслового содержания за данной формой представляет собой некое языковое структурирование смысла в определенной языковой ситуации и, следовательно, определенный тип дейктического указания.

Многие лексические и грамматические единицы, интерпретация значения которых предполагает учет фигуры наблюдателя, могут быть охарактеризованы как слова с индексальным, указательным компонентом в значении. Роль указательности в референциальной отнесенности слова и влияние различных проявлений указательности на смысловую интерпретацию высказывания изучены пока явно недостаточно, и целый ряд проблем, связанных с особенностями функционирования указательных знаков, продолжают оставаться спорными, поэтому лексические и грамматические единицы, интерпретация значения которых предполагает учет фигуры наблюдателя, могут быть охарактеризованы если не как индексальные слова, то как слова с индексальным компонентом значения [6].

Дейктические средства образуют указательное поле языка, противопоставленное символическому полю по признаку соотношения номинативной и референциальной функций языкового знака [7, с.120]. Категория притяжательности как определенная понятийная категория должна рассматриваться с позиций первичного/вторичного дейксиса, снимая, таким образом, противоречия, связанные с преобразованием "понятийная категория – языковая семантическая функция" и "универсальные/не универсальные понятийные категории", которые по сути являются категориями дейктического характера или категориями с элементами дейктического значения. Дейктическое значение неразрывно связано как с лексическим, так и с грамматическим значением слова [8]. Обладая мощным анафорическим потенциалом, именно притяжательные местоимения наиболее ярко демонстрируют совмещение свойств дейктических средств и именного детерминатива (*его рука, его день, его дом, его шаги*). Обобщенные, указательные языковые знаки реализуются на основе своей системной значимости в высказывании, соотносясь каждый раз с конкретными случаями внеязыковой, «предметной» ситуации: "притяжательность процесса/состояния его субъекту" – *его/ее/наш грохот/шум/звон*; "притяжательность по родству, степени знакомства" – *его/ее/наш отец/ дядя/сосед*; "притяжательность признака/качества" – *его/ее – белизна/болезненность*; "притяжательность собственно-предметная" – *его/ее/наш компьютер* и т.д. Язык как система воспроизводится и воспринимается в речи на основе одних и тех же референтных связей языковых знаков в результате отождествления последних по их форме и значению.

Категория дейксиса является не просто средством указания [8], а естественной категорией, которая существует в виде разноуровневых функционально-семантических полей сразу с несколькими ядрами (лексический дейксис, грамматический дейксис, социальный дейксис) и которая задает концептуальные рамки дискурса и организует его формальную речевую структуру.

Исследование такого важного типа отношений, как притяжательность, сквозь призму дейктического поля позволяет, во-первых, раскрывать широкий спектр возможностей языка в характеристике этих отношений, во-вторых, помогает понять тонкости взаимосвязи в сознании человека притяжательных отношений и их вербальных репрезентантов.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена розгляду особливої категорії присвійності, яка демонструє одну з основних функцій мови – освоєння світу й освоєння його для себе – в функціонально-семантичному полі. Визначено категорію присвійності як «граматичну категорію, яка виражає одночасно предмет присвоєння й особу власника», зазначено умовність терміну «присвійність», семантика якого не обмежується вираженням відносин приналежності й володіння, а додатково включає відношення різного типу.

Ключові слова: присвійність, посесивність, дейктичність, індексальні слова, дейктичне значення, дейктичне поле, антропоцентризм, референція.

SUMMARY

The article is devoted to a special category of possessiveness, which illustrates one of the main functions of language – the development of the world and assimilation it for yourself – in a functional and semantic deictic field. The category of possessiveness is defined as "a grammatical category that expresses both the subject and the person who owns the subject", convention of "possessiveness" is noted, its semantics is not limited by the expression of possession and property relations, but further includes the relationship of different types.

Keywords: possessiveness, possessive, demonstrative, indexical words, deictic meaning, deictic field, anthropocentrism, reference.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избр. труды Т.П. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995. — 767 с.
2. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков [Текст] / А. А. Уфимцева. — М., 2011. — 208 с.
3. Топоров, В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности [Текст] / В. Н. Топоров // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии, категория посесивности. — М., 1986. — С.142–167.
4. Цейтлин, С. Н. Семантическая категория посесивности в русском языке и её освоение ребенком [Текст] / С. Н. Цейтлин // Семантические категории в детской речи. — СПб., 2007. — С. 201–219.
5. Сушкова, И. М. О разноуровневых средствах выражения посесивности в современном русском языке [Текст] / И. М. Сушкова // Культура общения и её формирование. — Вып. 19. — Воронеж : Истоки. — С. 55—60.
6. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. [Текст] / А. В. Кравченко. — Иркутск, 1992. — 212 с.
7. Шемелева, Т. В. Значение и функции дейктических знаков [Текст] / Т. В. Шемелева // Потенциал русского языка : источники и реализованные возможности : сб. науч. тр. — Краснодар, 2001. — С.110–126.
8. Шемелева, Т. В. Междометия как дейктические знаки [Текст] / Т. В. Шемелева // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы III Междунар. науч. конф. — Краснодар, 2011. — С. 76–78.

Надійшла до редакції 11.10.2013 р.